

ЭТИМОЛОГИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМОВ МОНГОЛОВ ЧИНГИС-ХАНА ОТ ДРЕВНЕГО ПРЕДКА ДО АЛАН-ХО

© Джиева Залина Эдуардовна

преподаватель истории, обществознания и права
Томский государственный университет,
Северо-Осетинский университет им. К. Л. Хетагурова
Россия, г. Владикавказ, ул. Московская 15 а
E-mail: riba-1999@mail.ru

В статье рассматривается родословная Чингис-хана от самого древнего предка до прапродительницы Алан-хо и ее супруга Добун-Мергана на основании двух письменных источников: летописи Рашид-ад-Дина и Юань-чао би-ши (Сокровенное сказание). Использование скифо-аланского (осетинского) языка впервые позволило автору статьи не только этимологически идентифицировать сами имена, но и выявить древнейшие культы, связанные с ними, установить социальные связи и обязанности членов монгольского общества по линии и Добун-Мергана, и Алан-хо.

Ключевые слова: монголы, аланы, скифы, Юань-чао би-ши, осетинский язык, скифский язык, Секретная история, летопись Рашид-ад-Дина, Алан-хо, Чингис-хан.

Свыше ста лет монголистика обходит вниманием антропонимы средневековых монголов. Причину такого забвения следует искать в проблеме идентификации имен и, соответственно, безуспешных попытках переводов с языков тех монгольских народов, которые сегодня связывают свое историческое прошлое со средневековыми монголами Чингис-хана. Антропонимы средневековых монголов, указанные в письменных памятниках, не встречаются у этих этносов, лишь иногда именами чингисидов нарекают детей, но в основном это имена национальные или связанные с религиозной традицией, которые переводятся с современного монгольского, казахского, калмыцкого, арабского, санскрита или тибетских языков. А раз информация, содержащаяся в средневековых антропонимах, недоступна, то не получается установить и язык, на котором эти имена впервые прозвучали. Поэтому целью нашего исследования является не только необходимость идентификации, классификации и выявления особенностей происхождения монгольских антропонимов как таковых, но и установления взаимосвязи между этносами средневековыми и современными посредством языка имен.

Антропонимы монголов Чингис-хана можно назвать «говорящими». Сознательная сакральность имени, монголы искренне верили, что имя накладывало отпечаток на судьбу, позволяло справиться с различными препятствиями, способствовало связи с высшим миром, приносило богатство и удачу, придавало храбрости и питало жизненными силами, приближало к победе, давало возможность остаться в памяти потомков индивидуальным. Поэтому перед битвой воины заранее должны были установить «свое имя и военный клич [авазэ], подобно тому как они назначают свои имена, когда выезжают на охоту, всегда молясь всевышнему» [9, с. 261]. Личное имя, а особенно прозвище, объясняло статус современника, отношение к нему друзей, врагов, членов монгольского общества. Оно

могло определять его как волевого, достойного, любящего, честного, веселого человека или говорить о буйной, драчливой, жестокой, завистливой натуре, не признающей социальных правил и норм. Имя могло отражать и физические недостатки: слепой, хромой, толстый, ограниченный или указывать на деятельность, которая отличала данного индивидуума.

В ходе исследования стало понятно, что чаще всего детское имя давала женщина. Это имя могло забываться в течение жизни и тогда появлялось второе имя (социальное), которое заслужил сам человек своими поступками. И именно оно становилось главным. Например: Чапар (*чапар* 'деспот', 'сатрап') [10, с. 14], Анбарджи (*анбарзæn* 'кровельщик') [там же, с. 77] Аджиги (*аджигуа* 'околачиваться', 'времяпрепровождение') [там же, с. 89], Матара (*матара* 'мешок для воды') [8, с. 105]. Второе социальное имя могло употребляться вместе с первым, данным семьей, состоять из двух основ: личного имени и качества-характеристики. Например: Менгу-Тимур (*манг* у 'ложный', 'хитрый'), Джочи-Тармал.э (*тармелтаэ* 'сумерки') [там же, с. 93], Урунг-Таши (*урунг* 'грозный', *Тасий* — скифское имя, авест.; *Тъаси* — аланское и осетинское имя) [10, с. 148], Кабил-Тимур (*хъабил* 'угодный', 'достойный') [там же, с. 90]. Конечно, социальным именем называли соратники, иногда и сам Чингис-хан налагал это имя. Поэтому получить достойную характеристику в имени было очень важно.

Собственные имена, являясь важнейшим отражением национальной культуры, достаточно устойчивы к различным историческим потрясениям. Если такие имена проходят проверку временем, это невозможно считать случайностью. Так произошло с антропонимами средневековых монголов, которые использовались и используются у осетин, потомков алан, живущих за тысячи километров от местообитания средневековых монгольских племен и все переводятся с осетинского языка, являющегося живым продолжением языка скифо-сарматов. По мнению археолога С. Яценко [14, с. 66–67], прародина алан во II в. до н. э. находилась между державой Усунь и южными склонами Алтая. Часть из этих алан, по нашему мнению, к VIII в. продвинулась к рекам Онону, Керулену и Селенге, положив начало этносу, который впоследствии объединился под общим названием монголы. Показательно, что подавляющее большинство имен средневековых монголов имеет собственно скифо-аланскую основу имени, т.е. переводится с осетинского языка, а это значит, что их сложно признать заимствованными или адаптированными к именам другой этнической группы.

Женские антропонимы с *хо*, *хоа*, *бур*, *бор* и *учжин* (*уджин*)

Согласно легенде, прародительницей монголов Чингис-хана была женщина по имени Алан-хо, где *хо* с осетинского 'сестра' (древнее индоевропейское наследие, восходит к древн. иран. *hwhahā, в диалектах хōh, хūa) [1, с. 209], в осетинском языке *хо а* и *хо ай* — 'эта сестра', *а* и *ай* указательное местоимение единственного числа 'этот', оно при переводе бывает опущено. Поэтому *хо а* и *хо ай* просто 'сестра'. *Хо* мы находим в разных женских именах. Например: Хоай-Марал — сестра-Марал; Баргуджин-хоа, где *бар* 'право', 'власть', *баргун* 'властный', *удджын* 'духовный'. Ее имя нужно понимать как «сестра, наделенная духовностью и безусловным правом на ее передачу другим поколениям». Баргуджин-хоа была матерью Алан-хо [9, с. 10]. Но в тексте ничего не говорится о высокой духовности именно Алан-хо. Только мать Чингис-хана Хоелун (Ho'elun)

[7, с. 62] спустя несколько поколений после Баргуджин-хоа обладает этими качествами. Имя Хоелун переводится как «сестра, наделенная всеми добродетелями», где *еллон / еллун* 'благородный', 'обладающий высшими добродетелями'. «Сказание» подтверждает эту характеристику и уточняет, что Хоелун «смелая, возможно и счастливая, не простая, причастная миру духов, от роду мать-Учжин» [6, § 75, с. 89]. Поэтому в источнике ее называют и Хоа-учжин, где *хоа* 'эта сестра', *удджын* 'духовная', т. е. «эта духовная сестра». В дигорском диалекте осетинского языка, наиболее древнем и скифском, «ы» меняется на «и», поэтому в написании *удджин*. При произнесении слова может слышаться *учжин*.

Академик Б.Я.Владимирцов считал, что слово *уджин* у средневековых монголов означало царицу [3, с. 148]. С этим утверждением нельзя согласиться, т. к. в летописи есть следующее упоминание: «К роду Богорчи-нойона в этом государстве [т. е. Иране] принадлежат Беклемиш и сын его Уджан, который был выше упомянут...» [8, с. 170]. Родственники Богорчи-нойона не относились к царствующему роду, были из племени арулат, поэтому понятие *уджин*, где Уджан, несомненно, от *уджин*, не может говорить о принадлежности к царствующей династии. Люди, обладающие духовностью, были особо почитаемы. Наличие этой характеристики в именах близких родственников Чингис-хана вводило в заблуждение китайцев, считавших это знаком царского величия.

В «Сказании» есть еще два очень точных указания на то, что именно *хо* в понимании 'сестра' присутствует в женских антропонимах. Чингис-хан «решил выдать нашу Хочжин-беки за Тусаху, сына Сангума» [6, § 165, с. 128]; «Тут старуха Хоахчин принялась хлестать, подгонять свою рябобокую корову, да от спешки-то ось тележная и сломалась» [там же, § 101, с. 97]. Хочжин или *ходжын* 'имеющая много сестер', а Хоахчин или *хо ахджын* указывает на женщину, которую называют сестрой со старчески скривленными ногами, т. к. *ахджын* 'нога с большим изгибом', 'кривоногая'. Поэтому устоявшееся понимание прародительницы монголов как Алан-гоа, является попыткой адаптировать и объяснить неизвестное слово *хоа* с современного монгольского языка, в котором есть как будто похожее *гоо* 'красавица'. Следуя такой логике, в разряд красавиц попадает и старуха Хоахчин.

Женские антропонимы Монголчжин-хоа и Борахчин-хоа требуют особого внимания. Монголчжин-хоа, как и мужской антропоним Тороголчжин-Баян, имеют трехсоставную основу. Мон-голчжин-хоа нельзя рассматривать как производную от самоназвания монголов, т. к. этот же корень *голчжин* есть в имени Торо-голчжин-Баяна и даже в имени супруги Чингис-хана Борте в «Шара Туджи», где она названа Бортугэлджин. Правильно было бы записать эти имена так: *Монгалджын*, где *мон* 'дух', *галджын* 'хозяйка быков', т. е. дух хозяйки быков. А *Тарраг* + *галджын* → *Таррагалджын* — погонщик-хозяин быков, где *тарраг* 'погонщик', *галджын* 'хозяин быков'. В женском имени Борахчин, как и во многих средневековых монгольских антропонимах, встречается корень *бур*, *бор*. Осетинский *бур*, *бор*, восходящий к др. персидскому корню *būr*, *bōr*, в данном случае указывает на цвет волос. Супруга Чингис-хана Борте была женщиной со светлыми волосами (*бор+тае* 'рыжие', 'золотые'), как и внук Чингис-хана Бури имел рыжие или пшеничного цвета волосы (*бур*, *бури* 'желтый', 'рыжий'), Борах-

чин — русые волосы, т.к. *борахсин* 'желто-серый цвет', а супруга Угедея Борахджин [10. с. 8. сн. 8] — золотистые.

Мужские и женские антропнимы, связанные с религиозными культами

Самым древним прародителем монголы считали Булджа-хана [8, с. 80], который был кочевником-скотоводом и страдал от укусов насекомых, что, очевидно, и послужило причиной его прозвища (*булдзаэ* 'вшивый'). В «Огуз-намэ» он назван Олджай-хан [11, с. 14]. Этот титул можно объяснить через *алдзаэн* 'славный', 'великолепный'.

Мужские антропнимы до родоначальника ветви бурджигинов имеют свои особенности. В основном они представлены именами и личностными характеристиками, но есть антропнимы, которые прямо указывают на религиозные культы, некогда царившие в среде тех, кто впоследствии объединился под общим именем монголов. Согласно летописи Рашид-ад-Дина, мы узнаем, что после гибели большинства соплеменников место, ставшее домом выжившим, называлось Эргуне-кун. Мы можем только догадываться о площади этой скрытой от глаз посторонних ущельной территории. Там беглецы надолго обосновались и могли иметь главной сферой хозяйственной деятельности скотоводство. В горных условиях всегда использовали альпийские луга, а равнину и крутые склоны делали пригодными для земледелия и огородничества. Все племена монголов происходили «из рода тех двух лиц, которые [некогда] ушли в Эргунэ-кун» [9, с. 9] (*аргьун* 'заповедное место', *кун* 'мало'; т.е. небольшое заповедное место).

«Среди тех, кто оттуда вышел, был один почтенный эмир по имени Буртэ-Чинэ» [9, с. 9]. «Сказание» [6, § 1, с. 79] называет его уже Бортэ-Чино, *бур*, *бор* 'желтый', 'золотой'. А Чинэ — алано-осетинский культ Иччина. При произнесении слова «иччина» первая «и» просто теряется и остается «ччина». Этот праздник скотоводов проводился ежегодно осенью, когда стада возвращались с летних пастбищ высоко в горах на равнину. Праздник был общесельским. Каждая семья должна была принять в нем участие. Особенно, если в такой семье появилась молодая невестка или родился сын-первенец. Устраивали жертвоприношение, которое в «Сказании» называют чжугели [там же, § 43, с. 83] (*дзагелаэ* 'повисший'), когда тушу животного для разделки специально подвешивали. Возможно, в жертву приносили барана (*дзуг* 'отара'). Человеком, которому было поручено проведение этого культового мероприятия, был Буртэ-Чинэ — золотой Иччина.

Сыном Буртэ-Чинэ был Батачи-хан. Имя Бата происходит от сарматского *bātā* 'ветер' [1, с. 33]. Поэтому имя Батачи-хана объясняется как 'воспитанник ветра', *чи* 'кто', *хъан* 'воспитанник'. Сыном Батачи-хана был Тамачи (*тамачъи* 'медвежья груша'). Медвежья груша обычно растет в дубовых и хвойных лесах в предгорьях Северного Кавказа и Закавказья. Плоды съедобны, из них гонят спиртовые настойки, имеет очень ценную древесину, из которой Тамачи мог делать крепкие луки. Похожие сорта из семейства *Rosaceae* Juss распространены на Алтае, Дальнем Востоке, в Северо-Восточном Китае, Сибири и Корее.

Старший сын Тамачи Хоричар-Мерган стал, как и прадед, проводником религиозного культа, но только этот культ уже был связан не со скотоводством, а с земледелием. В алано-осетинской традиции праздник урожая первых озимых хлебов назывался «Хорисар» (*хор* 'хлеб', *сар* 'начало'; первый хлеб). Озимые культуры сеяли осенью, они прорастали, а весной давали первые всходы. Высо-

кий снежный покров и мягкая зима и сегодня на Алтае, в Прибайкалье и даже в некоторых районах Приамурья позволяют выращивать различные зерновые: просо, пшеницу, ячмень. Перед сбором первого урожая был весенний праздник. И Хоричар-Мерган был распорядителем на этом празднике Хорисар, ему же поручалось первому начать сбор урожая. Такое право имел только очень честный человек, уважаемый всеми. Таких людей называли Хорилэг (*хор* 'хлеб', *лэг* 'мужчина', 'хозяин'; хозяин хлеба).

У алан весенний праздник Хорисар входил в цикл праздников Хор-хор, посвященных божеству Уацилле. В мифологии осетин Уацилла — один из самых почитаемых божеств. Он посылает молнии, грозы, покровительствует хлебным злакам, от него зависят всходы, урожай. Это он насылает град, ливень, сель, пожары, поэтому Уацилла считается очень суровым божеством, способным ослепить и убить человека, поразить его молнией с неба. Женщины при приготовлении праздничных пирогов и сегодня в высокогорных селах повязывают платок под глазами, чтобы дыханием не осквернить традиционное подношение Уацилле. В Осетии-Алании всегда было много святилищ, посвященных Уацилла, но самое крупное расположено в Даргавсе республики Северная Осетия-Алания на горе Тбау.

Именно такое отношение, смешанное со страхом и уважением, средневековые монголы испытывали к божеству Итога (*итауга* 'расстилаемое', *итауге* 'сеющий'). «Того Бога они называют Итога, они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров и начатки пищи и питья» [5, с. 10]. «Есть рассказ, что в Могулистане бывают частые грозы. У монголов же считается, что молния исходит от некоего животного, подобного дракону, и в их областях жители [будто бы] видят, своими глазами, как оно падает с неба на землю, бьет по земле хвостом и извивается, а из его пасти извергается пламя» [8, с. 156]. У Итога просили хорошей погоды, земных плодов и сыновей. Ему сооружали кучи камней на перевалах, приносили жертвы. Итогу почитали и боялись. Во время грозы члены племени прятались в кибитках, одежду сушили внутри юрт, а тех, кто нарушал правила, жестоко наказывали, потому что Итога мог послать множество бед, уничтожить скотину, посеять и навредить людям. Он, действительно, сеющий дух первой травы, первых всходов, первого урожая. Он посылает сверху жизнь всему живому и может забрать ее. Нет никакого сомнения, что Уацилла и Итога совершенно идентичные божества.

Сын Хоричар-Мергана Аучжам-Борогул (*ауадзэм* 'разрешим', *бора* 'рыжий', *гул* 'большой обрядовый хлеб') после отца определял время и место проведения обряда и церемонии приготовления торжественного хлеба — *борогула*. Этот праздник проходил у алан-осетин перед пахотой и назывался Хоры бон (день хлеба), после уборки урожая резали жертвенное животное, чаще всего быка. Большой обрядовый хлеб овальной формы олицетворял единство и достаток, надежду на новые щедрые урожаи для всех жителей села. Поэтому право разрешения на приготовление такого хлеба и начало пахоты определял Аучжам-Борогул. Любопытно, что и женщины у средневековых монголов принимали активное участие в уборке урожая и праздновании, иначе откуда в «Сказании» антропонимы Хоричжин (*хориджин* 'хлебная') и Хуурчин (*хуарджин* 'урожайная')? «Чжур-

кинцев одолели и захватили обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун» [6, § 132, с. 113].

Слово «хатун», прочно утвердившееся в исторической литературе в понимании «ханша», в лучшем случае, «женщина», таковым не является, а ко многим женским персонажам летописи и «Сказания» не прилагается и несет в себе совершенно иную окраску. Более того, понятие «хатун» неожиданно применяется к мужчине: «...из рода есть муж Чебкан-хатун» [8, с. 168]. Поэтому объяснение слова «хатун» как «ханша» или «женщина», совершенно неубедительно, т.к. *хатун* 'кочевать', 'странствовать'. Супруги, которые оставались в Орде и не кочевали вместе с мужьями, не имели в имени слово-характеристику «хатун».

У Аучжам-Борогула был сын Сали-Гачау (Сали, осет. имя, *гъæддзау* 'лесник'); у Сали-Гачау — Еке-Нидун (Еки, осет. имя, *нидæн* 'тихий', 'сдержанный'); у Еке-Нидуна сын Син-Саучи [9, с. 10] (*цин* 'радостный', сауджын 'служитель культа', Саути, осет. имя.); у Син-Саучи сын Харчу (*хардзæ* 'добыча охотника'); у Харчу был сын Борджигидай-Мерган, а сын Борджигидай-Мергана Тороголджин-Баян, о котором мы говорили ранее, станет отцом для Дува-Сокора и Добун-Мергана. Мужские антропонимы после Аучжам-Борогула показывают лишь характеры и виды деятельности их обладателей. С именем Борджигидай-Мергана появляется впервые упоминание о принадлежности к племени *бур/борджигинов*. Но поскольку само понятие требует отдельного разбора и отдельной статьи, то ограничимся лишь упоминанием Борджигидай-Мергана.

Мужские антропонимы семейства Алан-хо

Известно, что родители Алан-хо вместе с дочерью прибыли к новому месту жительства, «прослышав о знаменитых Бурхан-халдунских звероловлях и прекрасных землях» [6, § 9, с. 80]. Эти земли должны были приносить богатые урожаи, поэтому отец Алан-хо «Хорилартай-Мерган решил выделиться в отдельный род-обок под названием Хорилар» [там же, § 9, с. 80]. Антропонимы Хорилар и Хоричар — название одного и того же культа Хорисар. И Хоричар-Мерган, правнук Буртэ-Чинэ, и прибывший Хорилартай-Мерган — отец этнической аланки Алан-хо — поклонялись одному божеству, которое монголы называли Итога, а аланы — Уацилла. Принадлежность к определенному обществу, фамилии или вообще к чему-то в алано-осетинской традиции обозначается прибавлением к основе слова «тай». Например, *вы чьи?* – *Джиотай* или *Маргитай*, относящиеся к фамилиям *Джиоевых* или *Маргиевых*. Согласно источникам, «тай» в конце имени у средневековых монголов встречается часто: *Таргутай*; *Бахаритай*, *Баритай* — внуки *Ариг-Буки*; *Асутай* — сын *Менгу-хана*; *Сартактай* — сын *Бату*; *Конкуртай* — сын *Хулагу* и др. Поэтому отец Алан-хо, выделившись в отдельный обок, стал *Хорилартай*. Но правильно *Хорисартай*, если только это имя не указывает на *Хорилага* (хозяина хлеба).

В средневековой Алании существовали специальные места для судебных заседаний. Часто заседания проходили на поляне возле села, место выбирали ровное, освобождали от веток, валунов, природного мусора. Оно могло быть возле реки или озера. В Алании были судьи в каждом ущелье. Это были люди зрелые, достойные, кому доверяли безоговорочно, чей опыт и заслуги перед обществом ценились высоко. Самым большим почетом пользовались судьи из Дагома, даже чужестранцы приезжали в Дагом, отчаявшись добиться справедливости. Суд в

Алании назывался *тархон*, а «крестьяне, освобожденные от повинностей, назывались *тарханами*. Обычно они являлись доверенными лицами алдаров (князей), оказывали им различные услуги, служили управляющими, княжескими дружинниками и сборщиками податей» [2, с. 170].

Дед по матери Алан-хо Бархудай-Мерган (*бар* 'право', 'правовой', *худ* 'шапка', *ай* 'этот'; правовая шапка) владел Кол-баргуджин-догумом. Джувейни указывал, что монголы водоем называли «коль» [12, с. 186]. *Баргуджин* 'духовное право' (*барг* + *удджын*). А «догум» — это аланский *Дагом*. Дед Алан-хо был судьей, проводил заседания на берегу небольшого озера или водоема. Учитывая характер имени, возможно, и мать Алан-хо Баргуджин-хоа имела отношение к судопроизводству. Территория Баргуджин-догум к этому располагала: «В том владении ... безмерное количество шаманов [кām], — общеизвестно, что джины с ними разговаривают, — в частности, в той области, которая близка к границе отдаленнейшей обитаемости. Эту область называют Баргу, а также называют Баргуджин-Токум. Там шаманов больше всего» [8, с. 157].

Средневековые монголы, как и аланы, тоже знали понятие «тарханства». Тарханами становились те, кто внес вклад в общее дело, лично проявил свою преданность. Так, например, за бесценные сведения о скором нападении Ванхана получили тарханство Бадай и Кышлык, которых «Чингиз-хан сделал тарханами» [там же, с. 171]. Тарханством был награжден Богорчи-нойон, спасший Чингис-хана, проявивший волю и мужество, когда Чингис-хану в горло попала стрела. Очевидно, что в обязанность тарханов могли входить и судебные функции. Предполагалось, что на их беспристрастное решение не могли повлиять ни родственные связи, ни авторитетное мнение: «самое Бадур-хатун сделал «тарханом» и повелел, чтобы отныне жизненным путем сирот было «тарханство» [там же, с. 196]. Известным судьей был сирота Шиги-Хутуху, которого воспитали в доме Чингис-хана. Методы, введенные им, были положены в основу монгольского судопроизводства. «Он возложил на Шиги Хутуху заведывание Верховным общегосударственным судом — Гурдерей-дзаргу» [6, § 203, с. 153]. Название этого суда (*гур* 'много', *гур дар* 'самый большой', аффикс *-ай* со значением «из чего», *дзиргъа* 'лемех', *у* 'быть', 'состоять'; состоящий из самого большого лемеха) говорит о том, что все тайное выходило наружу, подобно тому, как лемех, являясь главным элементом плуга, испытывает большую нагрузку и всегда должен быть хорошо заточен, чтобы при вспашке поля легко входить в землю, переворачивать ее и выбрасывать на отвал. Интересная аллегория.

Мужские антропонимы с мерган

Слово «мерган» встречается в «Сказании» 27 раз в 18 первых параграфах из 282 и только тогда, когда речь заходит о Хоричар-Мергане, Борджигидай-Мергане, Бархудай-Мергане, Хорилартай-Мергане и Добун-Мергане. Летопись Рашид-ад-Дина говорит о Хоричар-мэргэне, Джурлук-мэргэне, Адар-мэргэне и Кулкан-мэргэне. Слово «мерган» в форме «мэргэн» у современных монголов означает меткого стрелка. Переводчики приняли это за истину и ввели это слово в понятие «стрелок» в перевод исторических летописей. Но возникает закономерный вопрос: почему, когда начинаются борьба за власть, нападения и покорения соседних племен, штурм городов, крупные военные компании, слово «мерган» исчезает, как будто и не было метких стрелков, о которых следовало написать.

Кроме того, обращают на себя внимание две похожие истории в летописи Рашид-ад-Дина и в «Сказании». Только связаны они с разными людьми. В летописи мы узнаем, что после того как Хоричар-Мерган стал заместителем своего отца, его четыре брата ушли из родительского становища навсегда. А в «Сказании» четыре племянника Добун-Мергана сразу после смерти его брата Дува-Сокоора резко изменили свое отношение к дяде, поругались с ним и тоже ушли. На первый взгляд может показаться, что истории просто перепутаны. Но это не так. И Хоричар-Мерган и Добун-Мерган имеют общую приставку к имени – «мерган». А в летописи Добун-Мергана называют Добун-Баяном и его никто не покидает. Получается, что наличие в имени слова «мерган» могло быть причиной распада большой семьи или, во всяком случае, то, что кроется за этим словом, к меткости стрельбы вряд ли может иметь отношение.

Все имена с приставкой «мерган» принадлежали старшим сыновьям. От некоторых из этих сыновей происходили новые племена, как, например, от Адар-мэргэна — племя хадаркин, от Кулкан-мэргэна — будат, или новый род-обок *Хорисар*, как это было с *Хорисартай*-Мерганом. Единственным исключением был Добун-Мерган, имевший старшего брата Дува-Сокоора с одним глазом во лбу и способностью видеть на три кочевки. Такая нечеловеческая внешность позволяет сравнить его с уаигом (циклопом) Афсароном из Нартского эпоса осетин и высказать предположение, что Дува-Сокоора (*дува* 'второй', *сохъыр*, *сохъур* 'слепец', 'одноглазый') считали вторым циклопом, а сами произведения могли иметь общий литературный базис. Сложно не заметить, что повествование о ранних предках Чингис-хана ведется очень схематично, как будто есть более солидный источник или устная передача, где все давно и подробно рассказано. И в «Сказании» их упоминают для того, чтобы сложилась общая картина, потому что «у всех их выведенная и ясная родословная, поелику обычай монголов таков, что они сохраняют происхождение предков и дедов своих; каждому новорожденному дитяти объясняют и растолковывают происхождение его, подобно тому, как другие говорят: «из той де нации». По этой причине нет никого из них, который бы не знал своего племени и происхождения» [9, с. 13].

Отец Дува-Сокоора и Добун-Баяна (*Таргагалджын* — погонщик-хозяин быков) был скотоводом. Дува-Сокоор был скотоводом. Очевидно, что и Добун-Баян был скотоводом и охотником до того момента, пока он не женился на Алан-хо, семья которой возделывала землю. После смерти брата Дува-Сокоора Добун-Баян стал заниматься исключительно земледелием, это вызвало ссору с племянниками, которые откочевали от него, считая это делом недостойным. С изменением деятельности изменилось и имя Добун-Баяна на Добун-Мергана, который стал родоначальником нового направления (*да* 'от тебя', *бун* 'наследие', *мер* 'земля',* *кан*:- *зан* /**хан*- в значении 'копать', арийск.**khan* 'копать', *нигæнун* 'закапывать', осет.) [13, с. 200]. Имя Добун-Мергана означает буквально «твое предназначение — земледелец». И это определение *мерган* как 'земледелец' подтверждает присутствие древнего земледельческого культа Хорисар.

Выводы

Таким образом, удалось не только этимологически идентифицировать антропонимы предков Чингис-хана, которые встречаются даже сегодня у осетин (Еки, Сали, Бата и др.), перевести их с осетинского языка, являющегося языком

скифо-сарматского этноса, сохранившим древнейшие лексические формы, но и доказать, что:

– *хо* и *хоа* в женских антропонимах говорят о близкородственных связях, а не характеризуют внешность;

– *уджын*, *учжин* отражают качества личности, а не принадлежность к царствующей династии;

– *тарханство* у алан и монголов понималось как свободное состояние без налогов, тарханы могли исполнять судебные функции;

– *хатун* применяется и к женщине, и к мужчине, отражая вид деятельности, а не гендерную характеристику;

– предки большинства монгольских родов занимались не только охотой и скотоводством, но в равной степени и земледелием. Имели скотоводческие и земледельческие культы;

– в имени древнего предка Буртэ-Чинэ зашифрован древний скотоводческий праздник Ичъина, для которого и проводили жертвоприношение чжугели, указанное в «Сокровенном Сказании»;

– предкам монголов Чингис-хана был известен весенний праздник Хорисар, о чем свидетельствуют имена: Хоричар-Мерган, Хорилартай-Мерган, Аучжам-Борогул, Хоричжин и Хуурчин. Даже общегосударственный суд включал в названии слово *дзиргъа* 'лемех'. Как показали исследования, у средневековых монголов был полный цикл земледельческих праздников, входивших в цикл аланских праздников земледельцев Хор-хор [4, с. 51–52; 128–129]. Поэтому и слово «мерган» означает человека, копающего землю, а не стрелка;

– земледельческое божество осетин Уацилла и монгольский Итога совершенно идентичны. Духа Итога нельзя сравнивать с богиней Земли Этуген. Этуген отвечает только за землю, а Итога, являясь небесным божеством, как и Уацилла, посылает дождь, снег, град, молнии и тепло, связывает землю и небо, да и *итауга* точно соответствует названию этого духа.

В данной статье мы отразили лишь несколько антропонимов, которые сохранились в двух основных летописных источниках, показав их скифо-аланскую природу и объяснив их с древнейшего дигорского диалекта осетинского языка. Именно этот диалект и является так называемым «архаическим монгольским языком», на котором впервые прозвучали имена предков Чингис-хана от самого древнего прародителя до Алан-хо. Особенности антропонимов монголов Чингис-хана после Алан-хо мы постараемся рассмотреть в следующий раз.

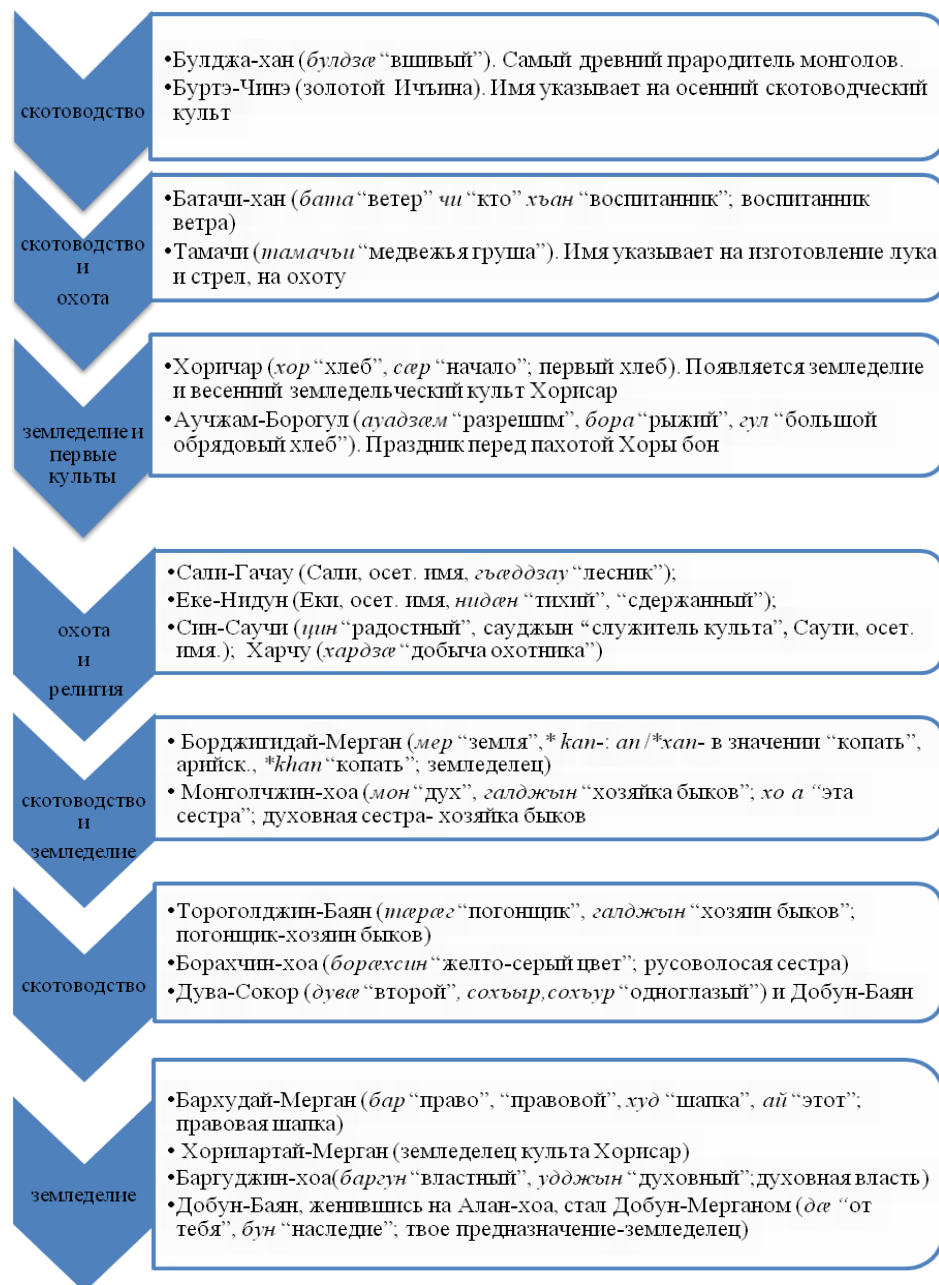

Рис. 1. Генеалогическое древо предков Чингис-хана: от самого древнего до прародительницы всех главных монгольских родов Алан-хо и ее супруга Добун-Мергана

Литература

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. — Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1958. — Т. IV: u-z. — 326 с.
2. Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии. — Москва: Вентана-Граф, 2005. — 351 с.
3. Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. — Москва: Восточная литература, 2002. — 557 с.
4. Джиоева З. Э. Чингис-хан. Аланский след. 2-е изд. доп. — Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А. Ю., 2015. — 351 с.
5. Иоанн де Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны / пер. и прим. А. И. Малеина. — Санкт-Петербург: Изд-во А. С. Суворина, 1911. — 232 с.
6. Козин С. А. Сокровенное Сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un Niyuca tobciyan*. Юань-чао би-ши. Монгольский обыденный сборник. — Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. — Т. 1. — 619 с.
7. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. Золотое сказание. — Москва: Наука, 1973. — 438 с.
8. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персид. Л. А. Хетагурова, ред. и прим. А. А. Семенова. — Москва-Ленинград: Изд-тво АН СССР, 1952. — Т. 1. кн. 1.
9. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персид. О. И. Смирновой, ред. А. А. Семенова. — Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1952. — Т. 1. кн. 2.
10. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. Ю. П. Верховского. ред. И. П. Петрушевского. — Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 2.
11. Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме / пер. Р. М. Шукюровой. — Баку: Элм, 1987. — 57 с.
12. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / пер. Е. Е. Харитоновой. — Москва: Магистр-Пресс, 2004. — 689 с.
13. Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. — Москва: Восточная литература, 2011. — Т. 4: i-k. 415.
14. Яценко С. А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н. э. // Петербургский археологический вестник. — Санкт-Петербург, 1993. — Вып. 3. — С. 60–72.

References

1. Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. — Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. — T. IV: u-z. — 326 s.
2. Bliev M. M., Bzarov R. S. Istoriya Osetii. Moskva: Ventana-Graf, 2005. — 351 s.
3. Vladimirtsov B. Ya. Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov. Moskva: Vos-tochnaya literatura, 2002. — 557 s.
4. Dzhioeva Z. E. Chingis-khan. Alanskii sled. 2-e izd. dop. — Vladikavkaz: IPTs IP Tsopanova A. Yu., 2015. — 351 s.
5. Ioann de Plano Karpini. Istoriya mongalov; Gil'om de Rubruk. Puteshestviya v vostochnye strany / per. i prim. A. I. Maleina. — Sankt-Peterburg.: Izd-vo A. S. Suvorina, 1911. — 232 s.
6. Kozin S. A. Sokrovennoe Skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniem *Mongyol-un Niyuca tobciyan*. Yuan'-chao bi-shi. Mongol'skii obydennyi sbornik. — M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. — T. 1. — 619 s.
7. Lubsan Danzan. Altan Tobchi. Zolotoe skazanie. — Moskva: Nauka, 1973. — 438 s.
8. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei / per. s persid. L. A. Khetagurova, red. i prim. A. A. Semenova. — M.-L.: Izd-tvo AN SSSR, 1952. — T. 1. kn. 1.
9. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei / per. s persid. O. I. Smirnovoi, red. A. A. Semenova. — M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. — T. 1. kn. 2.
10. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei / per. Yu. P. Verkhovskogo. red. I. P. Petrushevskogo. — M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. — T. 2.
11. Fazlallakh Rashid ad-Din. Oguz-name / per. R. M. Shukyurovoi. — Baku: Elm, 1987. — 57 s.
12. Chingiskhan. Istoriya zavoevatel'ya mira, zapisannaya Ala-ad-Dinom Ata-Melikom Dzhuveini / per. E. E. Kharitonovoi. — Moskva: Magistr-Press, 2004. — 689 s.
13. Edel'man D. I. Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov. — Moskva: Vostochnaya literatura, 2011. — T. 4: i-k. 415.
14. Yatsenko S. A. Alanskaya problema i tsentral'noaziatskie elementy v kul'ture kochevnikov Sarmatii rubezha I-II vv. n. e. // Peterburgskii arkheologicheskii vestnik. — Sankt-Peterburg, 1993. — Vyp. 3. — S. 60–72.

ETIMOLOGY AND STRUCTURAL FEATURES
OF PERSONAL NAMES OF CHINGIS-KHAN MONGOLS
FROM THE ANCIENT ANCEST TO ALAN-KHO

Zalina E. Dzhioeva

Lecturer of History, Social Studies and Law,
Tomsk State University, Khetagurov North-Ossetian State University
15 Moskovskaya St., Vladikavkaz, Russia
E-mail: riba-1999@mail.ru

The article considers the genealogy of Genghis Khan from the most ancient ancestor to the foremother Alan-Kho and her husband Dobun-Mergan based on the two written sources: the annals of Rashid-al-Din and Yuan chao bishi (The Secret History). The use of the Scythian-Alanian (Ossetian) language for the first time has allowed us not only to etymologically identify the names themselves, but also to reveal the oldest cults associated with them, to determine social ties and duties of the members of Mongolian society through the line of both Dobun-Mergan and Alan-Kho.

Keywords: Mongols; Alans; Scythians; Yuan chao bishi; Ossetian language; Scythian language; The Secret History; Rashid-al-Din chronicle; Alan-kho; Genghis Khan.